

А. М. Ушаков

СИМВОЛИЗАЦИЯ КОНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА В V—IV ВВ. ДО Н. Э.

A. M. Ushakov

SYMBOLIZATION OF A HORSE IN A FUNERAL RITUAL OF SOUTH URAL EARLY NOMADS IN V—IV CENTURY B. C.

Статья посвящена публикации материалов раннего железного века, полученных при проведении полевых исследований кургана № 8 могильника Ушкаттинский I. В работе дано описание погребального обряда и вещевого инвентаря. Приведена культурная и хронологическая характеристика полученных данных. Основное внимание в статье уделено определению места коня в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала. На основе анализа археологических памятников выявлены следы различных форм участия коня в погребальной обрядности, при этом отдельно в работе речь идет о символизации этого животного путем размещения в сакральном пространстве погребального комплекса предметов конского снаряжения. В заключение статьи раскрывается значимость коня для стратификации кочевого общества.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, кочевники, прохоровская культура, погребальный ритуал, конь.

The article is devoted to the publication of early Iron Age materials obtained during the field research of burial mound No. 8 of Ushkattinsk I burial ground. The work gives a description of funeral ceremony and clothing inventory. It gives cultural and chronological characteristics of the obtained data. The article draws main attention to the definition of horse place in the funeral ceremony of the early nomads of South Ural. On the basis of architectural monuments analysis there are discovered the tracks of different forms of horse participation in a funeral ceremony. At the same time the article tells about the symbolization of this animal by means of placing the trappings in the sacral space of a funeral complex. In the conclusion the article reveals the significance of a horse for stratification of a nomadic society.

Keywords: archeology, early Iron Age, nomads, Prokhorovka culture, funeral ritual, horse.

Культурно-историческая специфика кочевых обществ обусловила высокую роль коня, появление которого в арсенале средств производства ранних номадов оказалось существенным фактором, отразившемся на экономической, политической и идеологической сторонах жизни общества.

Данная особенность коня нашла отражение в религиозных воззрениях, наиболее ярко проявившихся в погребальном обряде. На основе анализа археологических памятников ранних кочевников Южного Урала, нами были выявлены следы различных форм участия коня в погребальной обрядности номадов, а именно: захоронения полных скелетов коней на древнем горизонте под насыпью кургана, выкладки на погребенной почве черепов лошадей, отдельные кости скелета лошади под насыпью кургана, кости лошади в могиле в качестве заупокойной пищи¹.

В данной работе мы хотели бы остановиться на такой форме присутствия коня в погребальном обряде кочевников, как символизация этого животного

путем размещения в сакральном пространстве погребального комплекса предметов конского снаряжения.

Конским снаряжением принято обобщенно называть амуницию для верховой лошади, которая состоит из узды, седла и попоны². Совокупность же принадлежностей для соединения животного с повозкой и другими тягловыми средствами обозначается упряжью или сбруей³. В работе мы придерживаемся определения — конское снаряжение, так как речь идет о верховой лошади, наиболее надежном средстве передвижения кочевников. Учитывая, что в большинстве случаев кожаные, войлочные, деревянные части конской амуниции не сохраняются и исследователи могут работать только с отдельными элементами набора, то в данной работе речь идет о конском снаряжении, включающим в себя единичные вещи узды (удила, псалии, бляхи, пряжки, пронизи и т. д.)

В качестве примера нами взят курган № 8 могильника Ушкаттинский I, расположенный в Домба-

ровском районе Оренбургской области⁴. Могильник находится на краю мысообразного выступа первой надпойменной террасы левого берега реки Ушкатты, в 4,5 км к северу-западу от поселка Караганды и в 6,25 км к юго-востоку от поселка Домбаровский. Он представляет собой цепочку из 46 разновременных курганных насыпей различных размеров. В ходе раскопок 2005 года здесь был вскрыт курган № 8, располагающийся на западной ее окраине, на краю мысообразного выступа первой надпойменной террасы в 55 метрах к юго-западу от кургана № 1.

Насыпь земляная уплотненная, округлой в плане формы. Диаметр 12 м, высота 0,5 м. На поверхности кургана в центральной части из-под дерна выступали каменные плиты. Под насыпью вскрыта каменная конструкция, представляющая собой кладку из плитняка размерами от 10×15 см до 60×80 см (толщина плиток достигала 10—15 см). Она была ориентирована длинной осью по линии С—Ю и имела длину 6 м и ширину 5 м (рис. 2, 1).

В юго-восточном секторе, за пределами каменной конструкции в насыпи кургана выше уровня погребенной почвой (глубина —44) были найдены следующие предметы: фрагмент железного ножа, два железных двудырчатых коррозированных псаля (рис. 3, 3) с кольчатými удилами (рис. 3, 4), бронзовая бляшка круглой формы (рис. 3, 1), два бронзовых трехлопастных наконечника стрелы (рис. 4, 28, 29). С противоположной стороны, в юго-западном секторе на погребенной почве (глубина —59) был обнаружен глиняный плоскодонный лепной кувшин, который стоял вертикально. Сосуд имеет шаровидную форму тулова, гофрированную горловину и петлевидную ручку (рис. 3, 2). Поверхность серого цвета, не орнаментирован, в верхней части тулова имеются отверстия диаметром от 0,5 до 1 см. В тесте присутствует примесь талька и крупного песка. Размеры сосуда: высота — 30 см, диаметр венчика — 12,5 см, диаметр тулова — 27,4 см, диаметр дна — 10,9 см.

В центре кургана под каменной конструкцией находилась могильная яма, которая на уровне погребенной почвы имела Т-образную форму. В ней прослежены два погребения.

Погребение № 1 являлось основным и относилось к эпохе бронзы. Могильная яма, вероятно, в плане прямоугольная, была разрушена впускным захоронением эпохи раннего железного века, пробивавшем восточную половину древнейшей могилы (рис. 2, 2-3). В центре ее, на дне лежали на боку два лепных плоскодонных сосуда чрезвычайно плохой сохранности. Реконструировать их не удалось.

Погребение № 2 (впускное) представляло собой яму прямоугольной формы с закругленными углами длиной 2,1 м и шириной 1,1 м, ориентированную длинной осью с ССЗ на ЮЮВ. В заполнении ее встречались каменные плиты. Вдоль западной стенки был вырыт подбой шириной 60 см и глубиной 30 см. На дне подбоя на глубине 1,25 м от уровня погребенной почвы лежал скелет взрослого человека вытянуто, на спине, головой на ЮЮВ. Ноги, располагавшиеся параллельно, были слегка отставлены от оси туловища, образуя по отношению к нему

незначительный тупой угол. Руки согнуты в локтях, кисти отсутствовали (рис. 2, 2-3).

Находки из погребения:

1) железный меч с брусковидным навершием с прогибом по середине и перекрестием в виде сломанного под тупым углом бруска (рис. 4, 1). Длина меча — 104 см; ширина лезвия — 3,5—4,5 см, длина ручки — 13 см, ширина — 4,1 см. Он находился у западной стенки подбоя;

2) в районе паха, правого колена и справа от меча найдены бронзовые втульчатые наконечники стрел (рис. 4, 2-27);

3) железный колчаный крючок длиной 13 см, диаметром 5,4 см, толщиной 1 см (рис. 4, 30). Он находился напротив головки правой берцовой кости.

Достаточно многочисленный погребальный инвентарь позволяет уверенно датировать исследуемый комплекс рубежом V—IV вв. до н. э. Так, например, в наборе втульчатых бронзовых наконечников стрел представлены экземпляры, относящиеся к VI, IX, XII, XIII типам отдела трехлопастных втульчатых по типологии К. Ф. Смирнова⁵, как со сводчатыми, так и с вытянутыми подтреугольными головками. Причем, первые, более архаичные, в колчане преобладают.

Железные мечи с брусковидным навершием с прогибом по середине и перекрестием в виде сломанного под тупым углом бруска получают распространение в конце V в. до н. э.⁶ И не исключено, что они получили распространение у южноуральских кочевников на протяжении всего IV в. до н. э. Во всяком случае, они известны в примыкающих районах Западного Казахстана в погребениях середины IV в. до н. э.⁷ Отдельные экземпляры мечей этого типа, теряя свою массивность, доживают до начала III в. до н. э., о чем свидетельствует находка такового в погребении 1 кургана 3 Ново-Мусинского могильника⁸.

Не менее показательна в плане хронологии и находка в могиле железного колчанного крючка. Крючки такого типа, выполненные из железа, сопровождают захоронения знатных кочевников Южного Зауралья с рубежа V—IV вв. до н. э.⁹ Широкое распространение они получили в воинских комплексах кочевников Илека¹⁰ и Уральского левобережья¹¹ IV в. до н. э.

Псаляии С-видной формы и кольчатые удила весьма сложно точно датировать. Таковые распространены с конца VI по IV вв. до н. э.¹² Тот факт, что они железные, и не имеют зооморфные окончания, пожалуй, говорит в пользу конца V начала IV в. до н. э. как наиболее вероятного времени их использования.

Массивные круглобкие кувшины с гофрированной горловиной и небольшой петлевидной ручкой появляются в погребениях кочевников Южного Урала на рубеже V—IV вв. до н. э. Они присутствуют среди материалов Ново-Кумакского могильника, исследованного под Орском¹³. Параллельно они распространяются в бассейне Илека¹⁴ и Уральском левобережье¹⁵. Это достаточно редкий тип посуды, характерной особенностью которой является то, что она тесно сопряжена с предметами вооружения и, иногда, культа. Можно предположить принадлеж-

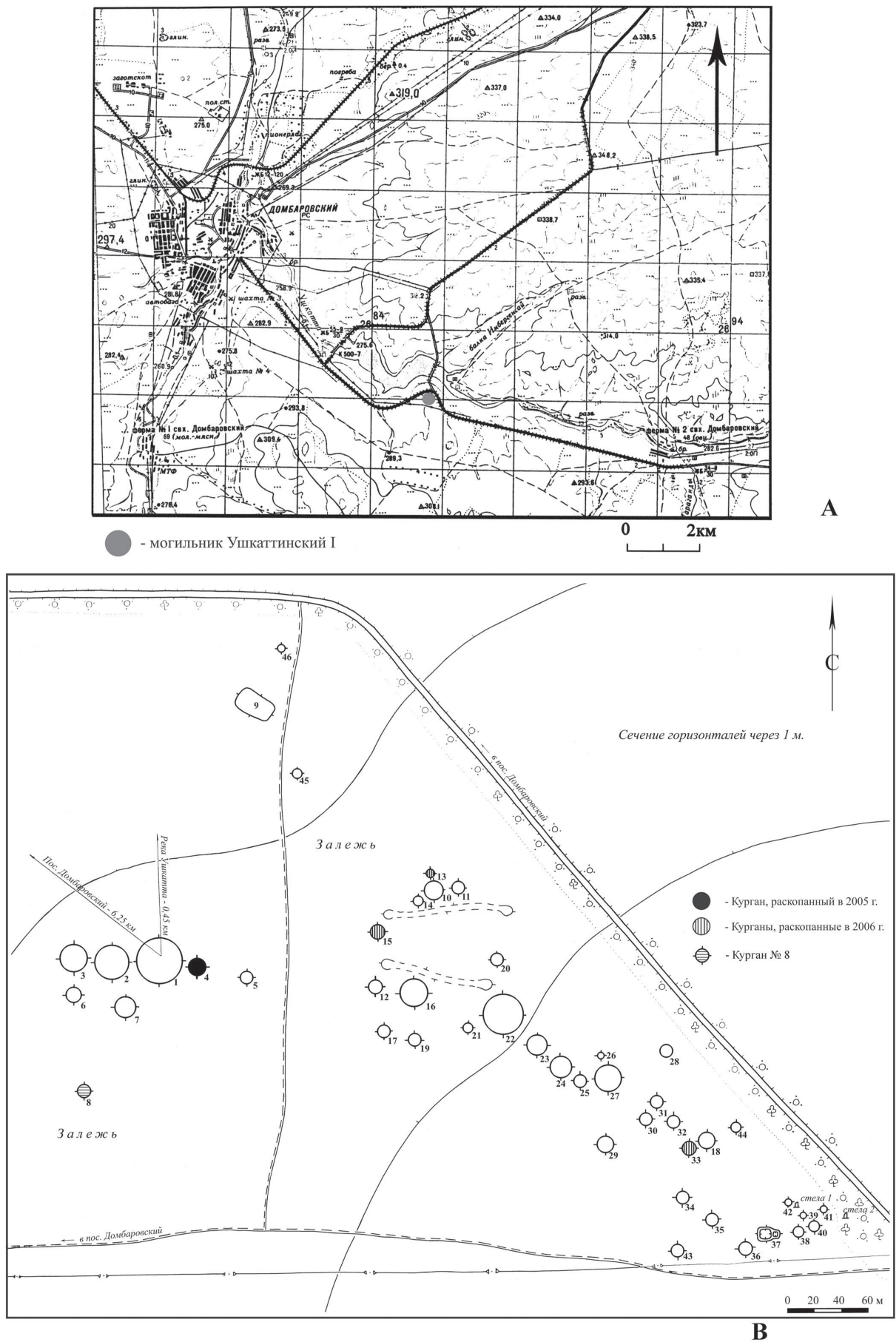

Рис. 1. Могильник Ушкатинский I. А — ситуационный план. В — топографический план

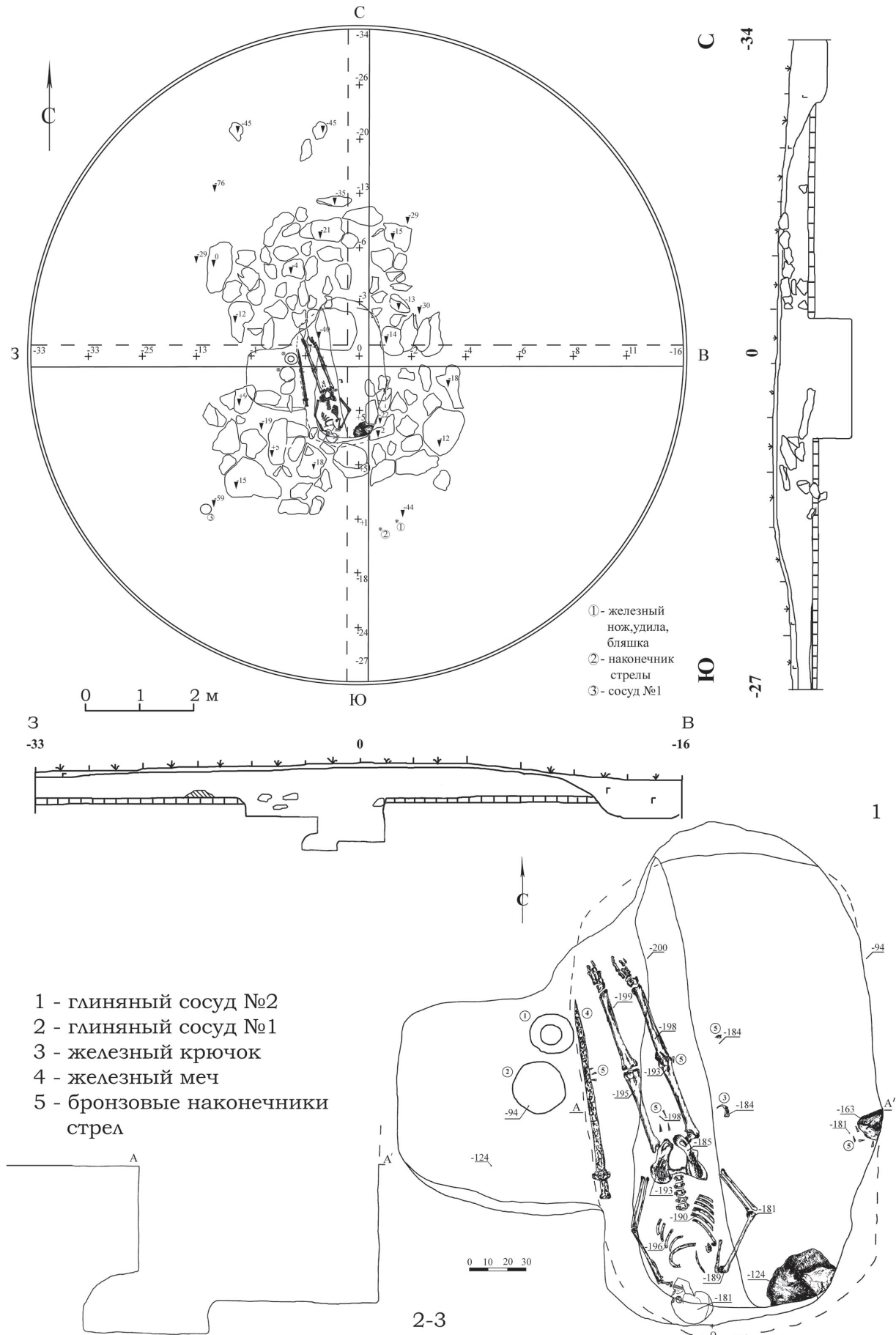

Рис. 2. Могильник Ушкатинский I, курган 8. 1 — план и разрезы кургана. 2-3 — план и разрез погребения 2

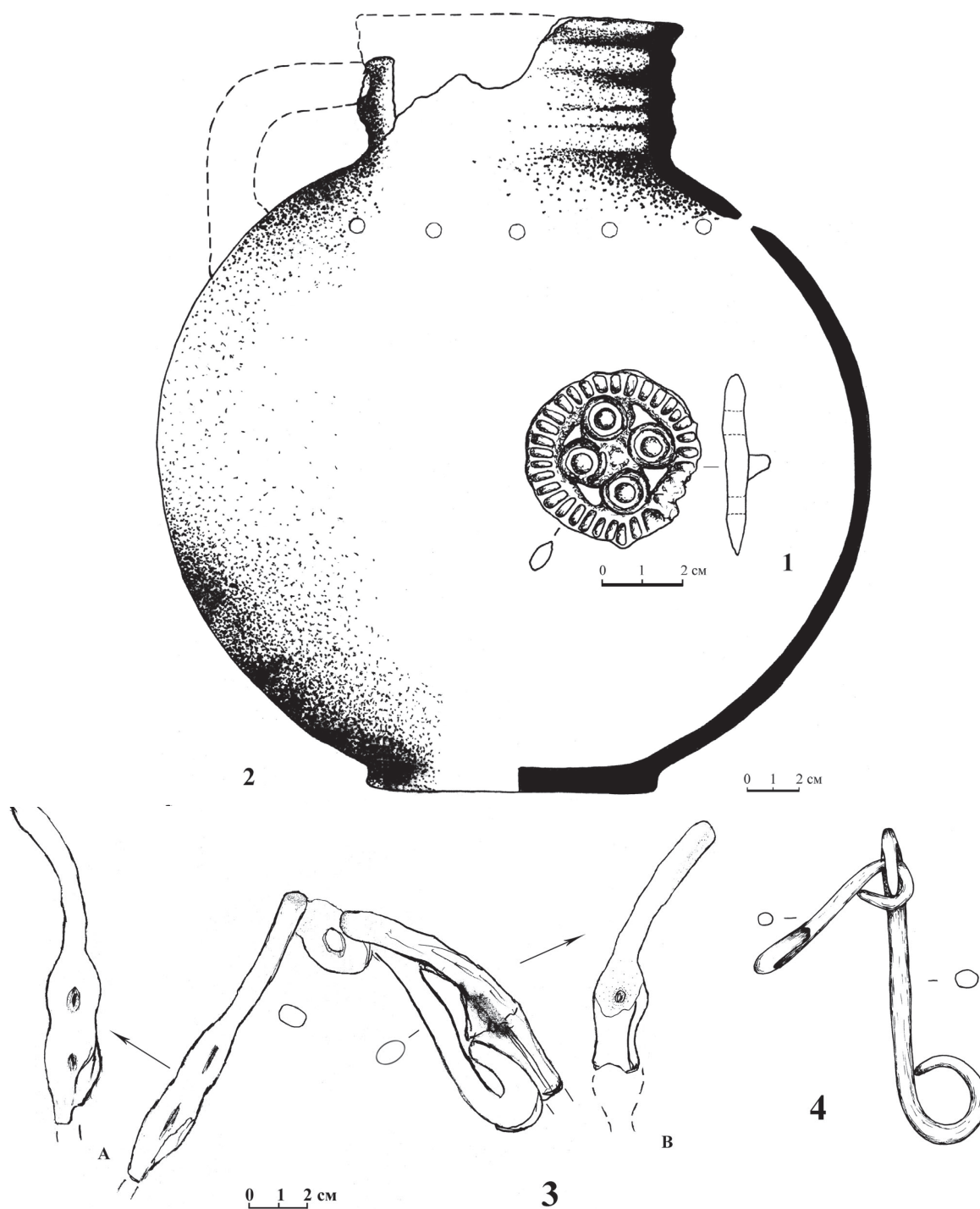

Рис. 3. Могильник Ушкатгинский I, курган 8. Инвентарь из насыпи. 1 — бронза, 2 — глина, 3, 4 — железо

ность этого рода посуды элитарным слоям кочевников Южного Приуралья.

Что же касается культурной атрибуции рассматриваемого комплекса, то принадлежность его к памятникам прохоровской археологической культуры безусловна. В пользу этого предположения говорят и тип могильной ямы (узкая ниша-подбой вдоль западной стенки), и южная ориентировка погребенного, и воинский характер захоронения, столь характерный для погребальных памятников региона конца V — середины IV вв. до н. э. Каменная конструкция над могилой подчеркивает тесную связь местного населения с кочевниками Южного Зауралья¹⁶.

Как выше было указано, среди особенностей данного памятника следует отметить расположение предметов конской уздечки к югу от могилы, что являлось символическим выражением присутствия коня в погребальном ритуале. Данный обычай был известен у кочевников Южного Урала еще на предыдущем этапе — в конце VI—V вв. до н. э. В то время он как бы расчленился на две части — строго к югу от могилы совершалось захоронение взнузданных коней (или коня)¹⁷, а в юго-западном секторе, реже — у южной подошвы, над погребенной почвой фиксировались остатки нескольких уздечных наборов¹⁸.

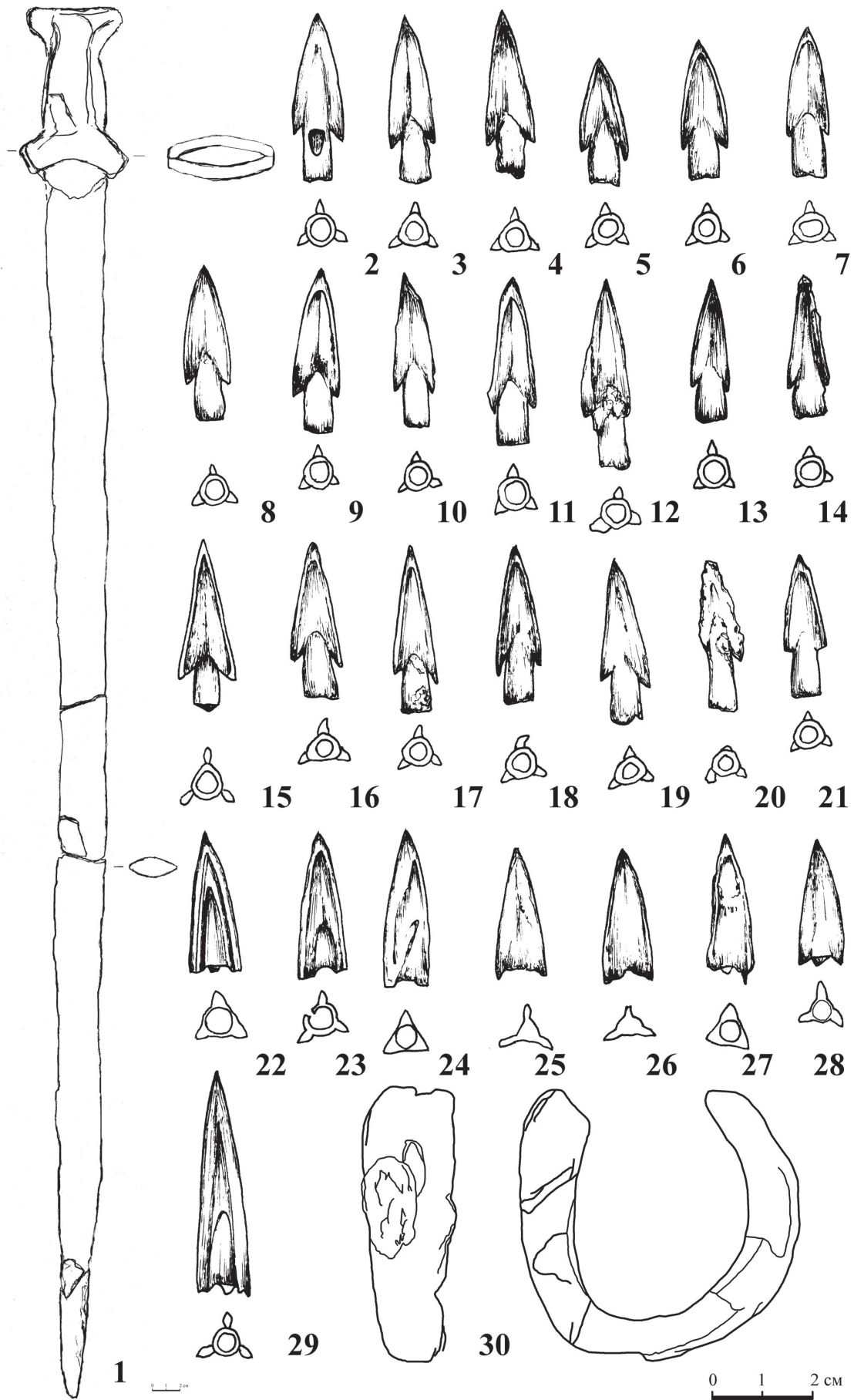

Рис. 4. Могильник Ушкатинский I, курган 8. Инвентарь погребения 2. 1, 30 — железо, остальное — бронза

Таким образом, анализ данных материалов раскопок позволяет говорить еще об одной форме участия коня в погребальной обрядности ранних кочевников Южного Урала. Проявлением этой формы является присутствие «символа» коня (различные элементы уздечного набора) в погребальном комплексе¹⁹. Традиция помещения коня в сакральное пространство кургана говорит о том, что его использовали не только в качестве жертвенной, заупокойной пищи, но и как имущество погребенного, как его верхового коня. При этом захоронение верховых лошадей чаще производилось при погребении богатых и влиятельных представителей племени²⁰. Конь становится своеобразной прерогативой господствующих слоев кочевых племен, символом и знаком их социального престижа, их привилегией²¹. Но не только сам конь выступает в качестве показателя социального ранга погребенного. Так же необходимо интерпретировать и конское снаряжение, богатство и пышность которого демонстрирует социальный престиж владельца²². Следовательно, от социального статуса погребенного зависел тот или иной набор признаков традиции. В погребениях элитарной части общества встречаются захоронения полных скелетов коней на древнем горизонте под насыпью кургана, с сопровождающими их богатыми и вариативными комплексами конского снаряжения. В рядовых же захоронениях фиксируются определенные «символы» присутствия коня, выраженные в наличии разнообразных костей животного и элементов конской уздечки.

Кочевая форма ведения хозяйства nomadov обусловила включенность коня во все сферы деятельности кочевого общества, что в свою очередь определило важность представления о нем как составной части духовной культуры. Кости лошади и атрибуты конского снаряжения в погребениях, несомненно, свидетельствуют о значимости данного животного для кочевников.

Примечания

1. Ушаков А. М. Формы участия коня в погребальной обрядности кочевников Южного Урала в VI—V вв. до н. э. // Научный поиск : мат-лы 3-й науч. конф. аспирантов и докторантов. Социально-гуманитарные и естественные науки. — Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2011.
2. Тишкин А. А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и в средневековье. — Барнаул, 1998. — С. 78.
3. Там же.
4. Автор выражает благодарность С. Ю. Гуцалову за любезно предоставленную возможность публикации данного материала.

5. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. — 1961. — № 101. — Табл. 2.

6. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. — М. : Наука, 1964. — Рис. 43, 26; 44, 1а.

7. Бисембаев А. А., Гуцалов С. Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников казахстанского Приуралья // УАВ. — 1998. — Вып. 1 — Рис. 5, 1; 6, 25.

8. Васильев В. Н., Сиротин С. В. Ново-Мусинский 3 курган // УАВ. — 2004. — Вып. 5. — С. 172—180. Рис. 2.

9. Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. — Уфа : Гилем, 1995. — С. 62—96. Рис. 12, 1; 15, 7; 16, 3; Зданович Г. Б., Хабдулина М. К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : Изд-е Башкирского ун-та, 1987. — С. 45—65. Рис. 8, 6-9.

10. Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. — Вып. 1. — М. : Институт археологии РАН, 1994. — С. 4—56. Рис. 92, 1, 2.

11. Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. Древности Лебедевки (VI—II вв. до н. э.). — М. : Вост. лит., 2006. — 159 с. : ил. Рис. 28, 8; 48, 8.

12. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов... — С. 84.

13. Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. — 1962. — № 115. — С. 204—241. Рис. 10, 3; Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. — Уфа : БФ АН СССР, 1977. — С. 3—51. Рис. 7, 4; 13, 17.

14. Бисембаев А. А. Указ. соч. — С. 152—161.

15. Железчиков Б. Ф. Указ. соч. — Рис. 30, 1.

16. Гуцалов С. Ю., Бисембаев А. А. Погребения прохоровской культуры южнее г. Орска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. — Вып. 1. — Уральск, 2002. — С. 71—72.

17. Смирнов, К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат... — Рис. 25, 3; 29, 4.

18. Гуцалов С. Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2007. — № 2. — С. 81.

19. Таиров А. Д. Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—II вв. до н. э. : автореф. дис. ... докт ист. наук. — М., 2004. — С. 8.

20. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат... — С. 101.

21. Беленицкий А. М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. — 1978. — № 154. — С. 37.

22. Очир-Горяева М. А. Уздечные наборы скифской эпохи из Южного Приуралья // Liber Archaeologicae : сб. статей, посвященный 60-летию Б. А. Раева. — Краснодар ; Ростов н/Д, 2006. — С. 94—105.

Поступила в редакцию 10 января 2013 г.

УШАКОВ Александр Матвеевич, аспирант, кафедра «Древняя история и этнология Евразии», Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). Сфера научных интересов: археология, кочевники, погребальный ритуал. E-mail: iscander_1988@mail.ru

USHAKOV Aleksandr Matveevich, post graduate student, Department of Ancient History and Eurasia Ethnology, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia). Sphere of scientific interests: archeology, nomads, funeral ritual. E-mail: iscander_1988@mail.ru